

Александр Дубровский

Рец. на: М.В. Зеленов. В.И. Невский — участник и историк первой российской революции. М.: Открытый текст, 2023. 407 с., ил.

Aleksandr Dubrovskii

(Bryansk State University named after I. G. Petrovskii, Russia)

Rec. ad op.: M.V. Zelenov. V.I. Nevskii — uchastnik i istorik pervoy rossiyskoy revoliutsii. Moscow, 2023

DOI: 10.31857/S2949124X25010179, EDN: AHXJDC

В начале 1925 г. публицист В.Л. Бурцев писал из Парижа историку Б.И. Николаевскому: «Последнее время мне попадаете много исторической литературы, изданной в России. Читаю с увлечением. Создаётся настоящая школа изучения революционного движения»¹. Видное место в рядах этой школы принадлежит В.И. Невскому (Ф.И. Кривобокову) — автору нескольких монографий и значительного количества статей. Автор рецензируемой книги М.В. Зеленов ограничил исследование темой истории революции 1905–1907 гг. в трудах историка. Это позволило изучить важную часть его наследия с должной степенью глубины, привлекая не только вышедшие, но и неопубликованные труды, а также художественное творчество. Учтена отечественная (не слишком богатая) и зарубежная историография (публикации из США, Германии, Франции). Кроме того, Зеленов использовал делопроизводственные источники, мемуары автора и общавшихся с ним людей, партийную переписку, периодическую печать и проч. Часть из них опубликована, часть выявлена в государственных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Использованы материалы из домашних архивов Невских и Подвойских, а также устные воспоминания дочери историка.

Эти разнообразные по видовой принадлежности источники привлечены не только для рассмотрения жизни

и деятельности героя повествования в период революции (1-я глава), но и для анализа его научного наследия (2–4 главы). На их основе осмыслены разнообразные факторы, воздействовавшие на работу Невского: его особенности как творческого человека, партийные установки, давление со стороны отдельных личностей (особенно председателя Истпарта М.С. Ольминского, с которым у учёного были неприязненные отношения). Последнее обстоятельство особенно важно. История революционного движения рано начала подвергаться контролю, в случае Невского — уже с 1922 г. Вмешательство Петроградского губкома, изгнание из Петроградского истпарта, конфликт с Ольминским, который требовал иного подхода к использованию источников, запрет на изучение деятельности меньшевиков и эсеров, создание в 1924 г. спецхранов, борьба с троцкизмом и меньшевистской историографией в 1930-х гг. — эти и другие события определили судьбу произведений историка. «Но по сравнению с другими государственно-партийными историками его труды выглядят максимально научно, т.к. он не стремился создавать догматизированной истории “святой партии”» (с. 142).

В первой главе рассмотрено становление Невского как революционера, его деятельность в 1905–1907 гг., жизнь до 1917 г. Первую российскую революцию он воспринял прежде все-

го как очевидец и участник событий, что позволило накопить впечатления и конкретные сведения. Богатый жизненный опыт помог в осмыслении произошедшего «на концептуальном уровне», выразившись «в трёх положениях: 1) партия не была готова к революции... 2) раскол в партии нанёс ущерб рабочему движению, 3) массы зачастую сами творили свою историю» (с. 131). Убедительно показано, что концептуальные построения Невского развивались двумя путями: «С одной стороны, он опирался на свои личные наблюдения и воспоминания, с другой — корректировал их путём анализа документов и других источников» (с. 81).

Ядро концепции Невского о роли рабочего движения в революции составило представление об эволюции Советов. Однако его точка зрения разошлась с позицией В.И. Ленина. Тот считал, что «органы народовластия» возникли из стачечных комитетов, Невский же убедительно показал, что «не все Советы имели своим организационным прецедентом стачком. Более того, там, где стачком был у истоков Совета, он являлся необычным, не мирным, а боевым стачкомом» (с. 226). Отмечены и другие различия в их представлениях. Важный тезис концепции — мысль о том, что Советы возникали как по инициативе партии, так и в результате стихийного творчества масс. Важна и другая идея — об эволюции Советов, заключавшейся во всё более полном проявлении ими функции власти, усложнении их организационной структуры, охвате новых слоёв населения, отходе в них на второй план меньшевиков и эсеров, ранее находившихся в коалиции с большевиками (последний тезис Зеленов подверг сомнению). По мысли Невского, после стадии забастовок, стачек и демонстраций Советы стали тем органом революционного движения

рабочих, в котором воплотилось перерастание стачки в восстание (правда, известные ему факты показывали, что наличие Совета к восстанию приводило не всегда). Он смотрел на них как на проявление рабочими определённого уровня сознательности и организованности их движения, но не сформулировал эту мысль достаточно чётко. В 1930-х гг. под влиянием конъюнктуры сознательность он приписывал уже исключительно партии большевиков, которая якобы и вносила это качество в рабочее движение.

Невский выделил два типа Советов — петербургский (умеренный) и московский (революционный). В первом преобладали меньшевики, во втором — большевики. Это разделение проходит через все работы историка. «В целом эта идея Невского не нашла своего развития в исторической литературе... Этот способ типологии не может охватить все Советы так, чтобы мы не встречали тех или иных противоречий» (с. 337—338). Систему его воззрений на историю рабочего движения в Первой российской революции Зеленов обоснованно назвал «оригинальной и цельной» (с. 301). В ней заметны постановка новых вопросов и ещё больше — решение старых на основе свежих источников.

Невского не могла не интересовать роль социал-демократической рабочей партии в истории революции 1905 г. Однако он «практически всегда подразумевал историю не большевизма, а именно всей РСДРП и подходил к ней не как политик, а как учёный» (с. 304). Именно в этом состоял источник его трений с научными и партийными аппаратчиками, от которых зависела его работа. Суть представлений заключалась в том, что раскол в партии сказывался на протяжении всей революции. При этом Невский «стремился максимально объективно представить позицию меньшевиков», указывал на

их более гибкую тактику, более демократический принцип организации, на то, что не одни они виноваты в расколе и его последствиях, даже отмечал положительные стороны их политической линии (с. 308, 310). Он освещал борьбу за рабочий класс эсеров, Бунда, социал-демократии Польши и Литвы и других партий. Это придавало «объективный оттенок самому исследованию Невского» (с. 313, 319). Правда, в 1930-х гг. в его оценке деятельности меньшевиков стали преобладать негативные тона (с. 324). Обобщая соображения по поводу роли РСДРП в революционном движении, Зеленов вычленил в построениях Невского следующие положения. Историк рассматривал партию как внешнюю силу по отношению к рабочему движению. С одной стороны, она дезорганизовала рабочих накануне революции и во время неё, её лозунги и действия отставали от размаха их борьбы. С другой — партия внедряла в пролетарскую среду идеи политической стачки и вооружённого восстания (с. 349).

На протяжении повествования Зеленов неоднократно указывает на начало 1930-х гг. как на некий рубеж, перелом в творчестве своего героя. Думается, что читателю здесь не хватает объяснения, которое понятно автору, а потому оставлено им «за кадром». 1929—1930 гг. — время арестов историков по «Академическому делу». Они затронули и сотрудников Невского — С.В. Бахрушина и Л.В. Черепнина. Возможно, что именно это дело вкупе с ужесточением режима в науке (имею в виду последствия письма И.В. Сталина 1931 г. «О некоторых вопросах истории большевизма») обусловило осторожную позицию историка. Однако даже в этой обстановке ему удалось добиться определённого прогресса — он «подробно обращается к изложению движения в армии и на флоте... Подчёркивает, что не

только рабочее движение революционизировало армию, но и движение в армии, в свою очередь, играло революционизирующую роль в рабочем и студенческом движении, создавая атмосферу всеобщего возбуждения, протеста... Подробно перечисляет, где и когда были выступления в армии и во флоте» (с. 341).

Интересной особенностью исследовательской работы Зеленова является соединение художественно-образного восприятия революции, воплощённого в стихах его героя, и научно-рационального, реализованного в его исследованиях. Первый опыт — чисто художественный. Образ рабочей массы, преобразующей мир, Невский переносил из произведения «Поэма рабочих предместий» в работы по истории партии, представляя его то как описание обстановки в Новороссийске накануне революции или событий в Петербурге в январе 1905 г., то как обобщённую характеристику духовного роста рабочих. Эта заражённость романтическим мировоззрением порой мешала, подменяя точное знание мифологическими представлениями.

Любопытно, что в работах Невского есть художественные образы рабочего класса и рабочего движения, но нет художественного образа партии. Зеленов убедительно объяснил это тем, что на первые тот смотрел извне, а на вторую — сам будучи большевиком — изнутри. Он воспринимал её заземлённо, поэтому не мог создать художественный образ. Кроме того, «как честный историк излагал конкретный материал довольно полно и объективно, но при его обобщении применял формулировки нечёткие и однобокие» (с. 336). Добавлю, что это наблюдение относится к работам, вышедшим в 1930-х гг., в известной политико-идеологической обстановке. Правда, Зеленов усмотрел здесь

ещё и большевистскую позицию автора. Без опоры на убедительные источники трудно сказать, что имело большее значение.

Особое внимание привлекают основные выводы монографии, которые можно отнести не только к научному творчеству Невского, но и к типу историка советского периода и даже целому периоду в развитии исторической науки. «Работы Невского... были концентрированным выражением всей историографии 1920–1930-х годов» (с. 357). Зеленев характеризует несколько пластов в его произведениях. Во-первых, это наука, т.е. рационалистические операции, в результате которых вскрываются связи между событиями, даётся их типология, выявляются закономерности объекта исследования. Во-вторых, «пласт определённой этики», нормы научного и политического поведения: обязательное отрицание меньшевистских взглядов, использование цитат из сочинений Ленина и Сталина, критика Л.Д. Троцкого. В-третьих, пласт искусства, чувственного и образного познания, проявлявшийся в создании образа рабочего класса и его движения, а также крестьянства. Он отражал, в частности, личностное отношение к последнему, а образ крестьянина влиял на характеристику всего «класса» и его роли в революции.

Преобладал первый пласт. Думается, что это закономерно для серьёзного историка, иначе его работы явились бы чистой пропагандой, лишь использующей исторический материал. Второй пласт, как представляется, историограф выставил несколько односторонне, как нечто исключительно конъюнктурное. Между тем научная этика существует в виде таких норм, как критическое отношение к источнику, полный учёт историографического наследия, точное воспроизведение позиции предшественников

по изучаемой теме, добросовестность в подборе источников и др. Соблюдение этих норм регулирует работу, обеспечивает точность и объективность научного исследования. Дополнение их нормами, взятыми извне (в данном случае из политики и идеологии), искажает полученные результаты.

Пласт искусства, как представляется, не сводим только к созданию поэтических, романтизированных или даже идеализированных образов, что отметил в творчестве своего героя Зеленев. Образ используется в исторической науке как форма отражения объекта в сознании человека; для иллюстрации достаточно указать на наследие В.О. Ключевского. Использование образов вообще присуще всякой познавательной деятельности и, возможно, любой науке (особенно гуманитарной), а истории — даже в большей степени, чем прочим. Поэтому есть все основания говорить об историческом образе. Он является специфической формой отражения, близкой по природе к образу художественному². Такой образ имеет наряду с познавательной эстетическую сторону, и в этом смысле привносит в науку элемент искусства. Кроме того, печать искусства несёт на себе, например, выразительная речь в пересказе историка, противоположность которой — сухой канцелярский бюрократический стиль. Поэтому не стоит считать советское историко-партийное историописание неким специфическим явлением («конгломерат, в котором переплетались и наука и искусство, и этика и эстетика» — с. 357). Эти элементы присущи науке на разных этапах её развития. Вычленение же указанных выше пластов в работе историка и их характеристика представляются ценными и интересными в методическом плане.

В части основных выводов чрезвычайно интересна мысль о том, что,

уводя историков от теоретических построений, ограничивая их работу реконструкцией прошлого с «эмпирическими выводами», власть привела к «оживлению старых типов исторического мышления». Это «античный статически-описательный тип», «средневековый... с его вербализмом и схоластикой», которым свойственно «механистическое понимание мира, свойственное метафизическому мышлению нового времени» (с. 358–359) и лишённое диалектических противоречий. Кстати, сам Зеленов на протяжении всей книги указывает на противоречия в творчестве Невского. Исключение из этого направления научной мысли представляют его рабо-

ты, в которых вскрывается диалектика развития рабочего движения.

Подводя итог, нужно сказать, что наука обогатилась серьёзным историографическим исследованием по истории Первой российской революции. Представляется, что важнейшие выводы исследования имеют для науки методическое и теоретическое значение.

Примечания

¹ Цит. по: *Иоффе Г.З.* Послесловие // *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 335.

² См.: *Баранов Г.С.* Единство концептуального и образного отражения в историческом познании. Томск, 1985. С. 132.

Юлия Галкина

Воспоминания М. Жанена — выдающийся источник по истории Гражданской войны и Революции*

Yuliya Galkina

(Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia)

Memoires of General M. Janin — an outstanding source about Russian Civil War and Revolution

DOI: 10.31857/S2949124X25010182, EDN: AHWNCH

Научное осмысление событий Первой мировой войны и Великой российской революции (1917–1922) в современной России сталкивается с рядом объективных проблем, в частности — с недостаточным вниманием к переводу и публикации синхронных источников. В отечественных исследованиях слабо задействован массив документов зарубежного происхождения (с. 9), что не позволяет в полной мере реконструировать реальные масштабы,

в частности, французского присутствия в 1914 — 1920-х гг. и деятельность представителей военного министерства Третьей республики в России. Публикуемый корпус воспоминаний знаменитого участника событий Гражданской войны в России М. Жанена призван внести весомый вклад в решение данной проблемы.

Воспоминания предвещает обстоятельная биография героя, выполненная Р.Г. Гагкуевым с привлечением

* С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания / М. Жанен; вступ. ст., науч. ред., сост. и коммент. Р.Г. Гагкуева. М.: Кучково поле, 2023. 896 с.